

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҰЛТТЫҚ ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ

ХАБАРЛАРЫ

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ТІЛ, ӘДЕБИЕТ СЕРИЯСЫ
СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ

4 (164)

ШІЛДЕ – ТАМЫЗ 2007
ИЮЛЬ – АВГУСТ 2007

1974 ЖЫЛҒЫ ҚАҢТАРДАН БЕРІ ШЫҒАДЫ
БІР ЖЫЛДА 6 РЕТ ЖАРЫҚ КӨРЕДІ

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1974 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

АЛМАТЫ
НАН РК

КАЗАҚСТАН
РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҰЛТТЫҚ КІТАПХАНАСЫ

Г. А. АХМЕТЖАНОВА

СОМАТИЗМ «БЕЛ / ПОЯСНИЦА»
В КАЗАХСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ключевые слова: концепт, национальный концепт, соматическая фразеология, табуированные соматизмы, эквивалентные фразеологические единицы, лакунизированные фразеологические единицы.

Фразеология — наиболее специфический раздел лингвистики, в которой отражаются архетипы языкового сознания этноса и формируется своеобразная (для каждого народа) фразеологическая картина мира, в основе которой лежат как универсальные для большинства народов и культур концепты, так и специфические, этноцентрические концепты, ориентированные на данный этнос.

Изучению природы концепта в современной лингвистике уделяется первостепенное значение. В решении данной проблемы сколько исследователей — почти столько же и точек зрения. «Концепт значительно шире, чем лексическое значение» [1; 6]. По мнению В. А. Масловой, «концепты — это не любые понятия, а лишь наиболее сложные и важные из них, без которых трудно представить себе данную культуру («авось» русских, «порядок» немцев и др.)» [2; 27]. «Кроме того, число лексических единиц, являющихся концептами, ограничено, потому что не всякое имя-обозначение явления есть концепт. Концептом становятся только те явления действительности, которые актуальны и ценны для данной культуры, имеют большое количество единиц для своей фиксации, являются темой пословиц и поговорок, поэтических и прозаических текстов. Они являются своего рода символами, эмблемами, определенно указывающими на породивший их текст, ситуацию, знания. Они являются носителями культурной памяти народа» [2; 28].

В современной лингвистической науке обозначились три основных подхода к пониманию концепта, базирующихся на общем положении о том, что концепт — это номинация понятия, синоним смысла. Представителем первого является Ю. С. Степанов. Представителями второго — Н. Д. Арутюнова и ее школа (Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев и др.). Представителями третьего — Д. С. Лихачев, Е. С. Кубрякова и др. Общим для данных подходов является утверждение неоспоримой связи языка и культуры; расхождение

обусловлено разным видением языка в формировании концепта. Объекты мира становятся «культурными объектами» лишь тогда, когда представления о них структурируются этноязыковым мышлением в виде определенных «квантов» знания — концептов.

Мы остановимся на рабочем определении концепта: «Это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия» (по М. Хайдеггеру). Но в то же время — это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека (по Д. С. Лихачеву). Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [2; 36].

Предметом нашего исследования является компонент *бел* в составе фразеологических единиц, лакунизированных для представителя иного, например, русского этноса. Материалом для исследования послужили данные выборки из казахских и русских фразеологических и толковых словарей, казахско-русских и русско-казахских переводных словарей. Целью работы является доказательство того, что понятие *бел* является национальным концептом в казахской языковой культуре в отличие от своего русского «двойника» *поясница*, а также выяснение основных значений данного компонента в составе фразеологических единиц казахского и русского языков.

Общеизвестно, что соматическую фразеологию образуют фразеологические единицы, один из компонентов которых — название части тела человека или животного. Это одна из обширных и продуктивных групп в корпусе фразеологии. Эта группа по подсчетам В. П. Шибинной составляет около 15% фразеологического фонда языка [3].

Широкое употребление соматизмов в составе фразеологических единиц в значительной степени обусловлено тем, что соматизмы представ-

ляют собой один из древнейших слоев в лексике различных языков и входят в ядро основного состава словарного фонда языка.

Характерной чертой соматической фразеологии является наличие в языках многочисленных аналогов, очень близких по образной направленности словосочетаний. Эта особенность резко отличает соматические фразеологизмы от других тематических групп фразеологических единиц. Совпадение образности соматических фразеологизмов в разных языках объясняется не только заимствованием, но и общими закономерностями, которые приводят к возникновению близких фразеологических единиц, демонстрирующих универсальный характер переноса соматических лексем, их функционально-семантическую динамику в составе фразеологических единиц [4]. Обилие соматических фразеологизмов в разных языках естественно, так как «соматические лексем, входящие в их состав, обладают высокой способностью метафоризироваться» [5].

Высокая частотность употребления названий частей тела в качестве метафорических универсалий обусловлена тем, что при назывании нового объекта у человека возникает ассоциация прежде всего с тем, что ему хорошо знакомо, что постоянно находится при нем. В первую очередь человек сравнивает окружающие предметы с самим собой, с частями своего тела. «Благодаря тому, что части тела постоянно находятся перед глазами они и становятся своеобразными эталонами для сравнения», — делает вывод Т. Н. Чайко [4].

Однако при создании метафор названия частей тела в разной степени продуктивны: одни используются очень редко (плечо, подмышка), а другие — наоборот, очень часто (голова, глаз, нос, рот, язык, шея, нога). Эти последние Т. Н. Чайко называет словами с «широким смыслом», способными передавать многочисленные значения. Наиболее продуктивными оказываются лексем-соматизмы, функции которых в организации человека наиболее ясны, с этим же связана легкость их переосмысления. Высокий показатель эквивалентности свойствен для ФЕ, содержащих слова с «широким значением», в которых совокупное значение ФЕ основано на переосмыслении действий, ощущений людей в типичных универсальных для всех наций ситуациях (*в поясницу вступило/белі шойылды; жан беру/испустить дух; жанды суырып ала жаздау/вытрясти душу; оң қол/правая рука*) и фразеологизмов с элементарным

значением, которые служат для выражения тех или иных эмоций, например, *жүрегі аузына тығылу/с замиранием сердца; көзі шарасынан шығу/глаза на лоб лезут*. Наиболее сложной семантикой обладают номинативно-экспрессивные единицы, служащие не только экспрессивными средствами языка, но и характеризующиеся высокой номинативной нагрузкой. Именно данная группа ФЕ представляет наибольшие сложности для перевода. Особую группу среди таких фразеологизмов представляют обороты с национально-культурной спецификой, такие, как *бел құдалар* (букв.: поясничные сваты; этн.: сваты, сосватавшие своих еще не родившихся детей) — в настоящее время значение данного фразеологизма расширилось, и оно употребляется в значении «родители жениха (невесты)».

Самый низкий уровень эквивалентности обнаруживают немотивированные ФЕ-сращения, дешифровка значения которых представляет трудности не только для иноязычного реципиента, но и для самого носителя языка, напр., ФЕ *бесік табы белінен кетпеді* (букв.: основание бесика не ушло из-под поясницы). Прототип данной ФЕ восходит к казахскому обычаю укладывать новорожденного в бесік/колыбель, где он находится большую часть времени до достижения одного-двух лет. В русском языке аналогом этого фразеологизма является ФЕ «молоко на губах не обсохло» что означает «очень юный». К подобным немотивированным ФЕ, имеющим самый низкий уровень эквивалентности, относятся фразеологические единицы, содержащие компонент *бел/поясница*.

В казахском языке компонент *бел* встречается в 55 фразеологических единицах; в русском языке мы отметим только 2 фразеологические единицы с компонентом *поясница*: *поясницу ломит, в поясницу вступило*.

В казахском языке *бел* имеет 7 значений: 1) поясница, талия; 2) спина, хребет (животных); 3) *перен.* способность мужчин к половой деятельности; 4) *перен.* сила, мощь; 5) *перен.* середина, центр; 6) *перен.* опора; середина, центр; 7) *перен.* горный хребет, горный перевал.

В составе фразеологических единиц компонент *бел* имеет следующие значения:

- 1) **самая середина чего-либо; настоящий центр:** *бел ортасында;*
- 2) **мера чего-либо:** — *белшесінен батты* (букв.: по пояс погрузился). Данная фразеологическая единица может служить мерой как прибыли

(олжа), так и трудностей, напастей; — *бел шешпеді* (букв.: не снимать пояс) — не иметь возможности передохнуть, без отдыха трудиться; — *белден бату* — утопать в чем-либо; иметь в изобилии; погрязнуть по уши в долгах;

3) **обозначение возраста:** — *бесік табы белінен кетпеген* (букв.: основание бесика не ушло из-под поясницы) — очень юный, молоко на губах не обсохло; — *бесіктен белі шықпаган* (букв.: не покинувший люльку) — крохотный, маленький; — *белге шықты* (букв.: достиг поясницы) — стать мудрее, достичь среднего возраста; — *бел кетті* (букв.: не стало поясницы) — обессилеть, состариться; — *бел ортасында* (букв.: посередине поясницы) — посередине жизненного пути; — *белі толды* (букв.: поясница наполнена) — достигнуть возраста половой зрелости;

4) **труд/отдых:** — *бел жазды* — а) отдохнуть, набраться сил после тяжелой работы; б) воспрянуть духом, расцвести (подниматься); — *бел үзілді* (букв.: поясница порвалась — сильно устать, онеметь (о пояснице)); — *бел шешпеу* — (букв.: не снимать пояс) не иметь возможности передохнуть; — *бел шешу* — расположиться на отдых;

5) **опора:** — очень юный, *бел болды* (букв.: быть поясницей) — быть для кого-либо опорой; — *белге медет* (опора пояснице) — быть для кого-либо опорой; — *бел қылды* — видеть в ком-либо своего защитника; — *асқар белім* — моя крепчайшая опора;

6) **решение:** — *бел байлады* (букв.: подпоясаться) — решиться на что либо; — *тәуекелге бел байлады* в значении «будь что будет»; — *олімге бел байлады* — стоять насмерть;

7) **способность мужчин к половой деятельности:** — *белінің күші, бетінің қызылы бар* (букв.: сила поясницы, румянец на щеках) т.е. пока силен (здоров) и молод; — *бала белде, қатын жолда* (букв.: дитя в нем, а жена встретится по дороге) — т.е. свободен от каких-либо обязанностей; — *бел бала* — собственный ребенок, кровный сын, плоть от плоти;

8) **женская красота:** *аш бел* — тонкая талия; — *бұраң бел* — тонкая талия; — *күзен бел* — хрупкая талия; — *құмырсқа бел* (букв.: муравьиная талия) — осиная талия; — *белі қылдай* (букв.: как волосинка) — тонкая талия.

Итак, компонент *бел/поясница* весьма значим в языковой культуре казахского этноса. Но ведь топографически идентичная ей русская *поясница* не закрепила ни в одной из ФЕ, кроме *поясницу ломит, в поясницу вступило*. Думается, что

одной из причин является то, что здесь имеет место эвфемизация табуированных соматизмов, связанных с детородной функцией женщины (*бел етек* — менструация), отношениями между полами, нарушением сексуальных возможностей (*белі бос* — слабый, *белі жоқ* — импотент, *белден қалу* — стать импотентом) и др. Как известно, одним из ведущих механизмов эвфемизации является замена табуированного слова лексемой общего значения (в данном случае *бел*).

Табу (из полинезийского *ta* — «отмечать», «выделять» и *ri* — «всецело»; т.е. «всецело выделенный», «особо отмеченный») — этнографическое понятие, касающееся и языка. Табу означает запрет, возникающий в сфере общественной жизни на разных ступенях развития общества. Исходя из различных предпосылок, такой запрет может распространяться и на факты языка. Термин «табу» был введен известным мореплавателем и исследователем XVIII века капитаном Куком из наблюдений над жизнью родовых общин в Полинезии. О табу как лингвистическом явлении писал Л. Блумфильд. Он выделяет три сферы табуирования:

1) религиозные термины: во многих языках, в том числе русском и казахском, многие религиозные термины могут произноситься только в строго определенных ситуациях, в обычных ситуациях вместо них прибегают к словам-заменителям;

2) так называемые непристойные формы, например, строжайшее табу на языковые формы, значение которых связано с экскрементной функцией, а также на некоторые формы со значением продолжения рода;

3) некоторые зловещие языковые формы, которые обозначают что-либо болезненное или опасное.

Главенствующая роль в номинации табуированных соматизмов принадлежит метафоризации, так как благодаря высокому уровню ассоциативного мышления человека, а также образному характеру и высокой степени экспрессивности данного механизма, метафоризация позволяет не только замаскировать суть явления, но и придать ему шуточный, ироничный характер.

Другая причина частотности компонента *бел*, по нашему мнению, — в его «топографии», а именно, срединной расположенности относительно человеческого тела. Разграничительная функция понятия *бел*, условно разделяющая человеческое тело на «верх» и «низ», уже сама по себе весьма

значима в казахском языке. Кроме того, наиболее жизненно важные органы человеческого тела находятся именно в этом, обозначенном словом *бел* пространстве. Отметим, кстати, что и другие наименования частей тела, расположенные в данном пространстве, проявляют высокую частотность употребления в казахских фразеологизмах по сравнению с русскими фразеосочетаниями, содержащими подобные компоненты: *печень/бауыр* — 2/46 ФЕ соответственно в русском и казахском языках, *почки/бүйрек* — 0/15, *пупок/кіндік* — 1/7, *живот/қарын* — 6/37.

Итак, помимо семи значений соматизма *бел*, обозначенных в толковых словарях (напомним: 1. поясница, талия; 2. спина, хребет (животных); 3. *перен.* способность мужчин к половой деятельности; 4. *перен.* сила, мощь; 5. *перен.* опора; 6. *перен.* середина, центр; 7. *перен.* горный хребет, горный перевал), компонент *бел* в составе фразеологических единиц в казахском языке приобретает следующие дополнительные значения:

- 1) мера чего-либо;
- 2) обозначение возраста;
- 3) труд/отдых;
- 4) решение;
- 5) женская красота.

Из сказанного следует, что понятие *бел* обладает сложной, многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социо, психо, культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им; она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие

данной культуре. И поскольку концепт — это «понятие, погруженное в культуру» (по Н.Д. Арутюновой и В.Н. Телия), и именно через концепты, подобные концепту *бел*, «может быть описана культурная традиция, обычаи, специфика национальной психологии и характера, присущая данному этносу в тот или иной период времени» [10; 20], то мы можем сделать вывод, что понятие *бел* является национальным концептом казахского языка, так как оно отражает в полной мере менталитет казахского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскальдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / Под ред. В.Н. Нерознака. М.: Аасатіа, 1997. С. 267-280.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Минск, 2004. С. 27.
3. См. об этом: Куницкая Н.В., Мельник В.Ф., Данилов Б.С. Функционально-семантическая динамика соматических лексем в составе фразеологических единиц // Дериватология и динамика в романских и германских языках. Кишинев, 1989. С. 53.
4. Чайко Т.Н. Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной и ономастической лексике // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. № 8-9. С. 106.
5. Данилов Б.С., Куницкая Н.В. Образование соматических фразеологизмов на основе семантических сдвигов составляющих компонентов // Современные проблемы романистики: Функциональная семантика. Калинин, 1986. Т. 1. С.83.
6. Кенесбаев С. Фразеологический словарь казахского языка. Алма-Ата, 1977.
7. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995.

М.С. БАЙКАДАМОВА

СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЕЕ СТРУКТУРА

Политика, как и любая сфера человеческой деятельности, изначально содержит в себе коммуникационное начало, которое проявляется в конкретно-исторических формах, «общениях» различных субъектов политики — индивидов, социальных и выражающих их интересы институтов по поводу установления, функционирования и изменения власти в обществе.

Сущностной стороной феномена власти являются социальные отношения господства — под-

чинения, поэтому власть можно рассматривать как коммуникационный процесс, предполагающий взаимодействие «управляющих» и управляемых, информационный обмен и обратную связь между коммуникантами. А.П. Чудинов отмечает, что политическая коммуникация представляет собой процесс общения между участниками политической деятельности [1, 31]. М.Н. Грачев считает, что сущностной стороной политической коммуникации выступают информационный обмен, це-